

нечто *положенное* и нечто *отличенное* от предыдущей категории, т. е. нечто прежде всего *числовое*.

§ 31. Итог фундаментального анализа.

В заключение этой главы, подводя итог всему исследованию сущности числа, в особенности принимая во внимание сказанное в предыдущих двух параграфах (§ 29—30), можно дать следующую резюмирующую схему.

Г. а) Определение всякого предмета мысли возможно только тогда, когда он четко отграничен от всего иного. Это значит, что предмет всякого определения есть 1) он сам и 2) предполагает свое инобытие, от которого он четко отличается. Возможно это только потому, что 3) между ним и его инобытием проведена граница. Граница совершенно одинаково относится и к самому предмету (в противном случае он не был бы никак ограничен и, следовательно, отсутствовал бы как определяемый предмет, как предмет мысли), и относится эта граница также и к инобытию предмета (в противном случае предмет со своей границей не имел бы никакого отношения к инобытийному фону, инобытие его не окружало бы, т. е. он от него не отличался бы и, следовательно, опять отсутствовал бы как определяемый предмет, как предмет мысли).

б) Отсюда — неизбежность и абсолютная логическая необходимость основной диалектической триады: бытие, утверждение (тезис), инобытие, отрицание (антитезис), определенное, ограниченное бытие, отрицание отрицания (синтез). Это — самая основная и самая элементарная форма всякого определения предмета. Или эта триада осуществлена в мысли, тогда есть и сама мысль; или она не осуществлена, тогда нет и самой мысли о данном предмете.

с) Эту основную триаду позволительно расширять — в зависимости от желаемой степени точности определения. Можно подвергнуть такому же определению последний член триады и тем продолжить и детализировать всю систему определений. Тогда может получиться тетрактида, пентада, гексада, гебдомада и вообще определение с любым количеством категорий. Если осуществить только одну новую триаду над синтезом первой триады, то мы получим примерно такую триаду: определенное бытие, неопределенное бытие, или становление, и синтез того и другого — определение в пределах самого

становления, или ставшее бытие (бытие факта, тела, субстанции). Так первая триада превращается в пентаду.

d) Можно, как сказано, идти и еще дальше, но целесообразно ограничиться введением только одной новой категории. Целесообразно не погружать всю пентаду в поток нового инобытия, но ввести такую категорию, которая только бы рисовала пентаду в свете дальнейших и инобытийных судеб, без реального перевода в это инобытие. Тогда ставшее (факт) получает новое определение, предстает в свете нового становления, но уже не переходящего в реальное распадение и, следовательно, факта чисто смыслового, превращающего, таким образом, всю предыдущую пентаду в некую *индивидуально-смысловую текучую сущность*. Эта степень детализации может вполне удовлетворить первые потребности логического определения.

e) Наконец, чтобы внести последнюю ясность в конструируемую диалектическую гексаду, необходимо точно знать логическое значение первых двух категорий. «Бытие», если его понимать в абсолютном виде, т. е. вне всякого инобытия и, следовательно, вне всякого определения, то это бытие будет уже выше того, что обычно называют бытием, и выше всякого инобытия; оно будет тем, в чем совпадает бытие с инобытием, та абсолютная и еще не развернутая точка, в которой ничто не различимо ни от чего и которая есть полное *совпадение* всяких *противоположностей*.

Если так понимать «бытие» (а чистота диалектической теории только так и требует), тогда лучше его именовать не «бытием», а каким-нибудь термином, указывающим на возвышение его над всяким оформлением, напр. «сверх-бытие», «перво-начало», «перво-принцип», «первоединое» и пр., а последующее за так понимаемым бытием инобытие именовать не просто инобытием, но, поскольку здесь лежит начало всякого оформляемого бытия, именовать его или *сущностным*, *смысловым*, *внутри-смысловым* инобытием или же просто бытием, или *смыслом*. Тогда третья категория — ограниченное бытие — окажется ограниченным и оформленным смыслом, как бы чем-то мысленно сформированным, мысленно видимым. Можно назвать это *эйдосом*, так как соответствующее греческое слово указывает как раз на сформированный, оптически определенный смысл; и, кроме того, тогда можно

объединить эту третью категорию с первой в одну общую категорию смысла.

f) Следовательно, вся диалектическая система примет тогда такой вид пентады (термины здесь, конечно, все условные и их можно заменить другими):

I. Перво-начало (перво-принцип смысла).

II. Смысл (эйдос, самый смысл, или смысловая сущность).

III. Становление (смысла).

IV. Ставшее (ставший смысл, факт и событие смысла).

V. Выражение (понимаемый смысл, энергийно-выразительная форма смысла).

II. а) Если ограничиться этой диалектической пентадой, то дальнейшая разработка диалектики может продвигаться уже в области каждой из этих пяти категорий.

б) Каждая из этих категорий повторяет в себе все эти же категории, и проведение их в пределах каждой из пяти и конструирует пентаду на следующей, более высокой и детально разработанной ступени. Такая детализация не везде нужна. Иной раз полезно ограничиться в той или другой из пяти категорий проведением только основной триады.

с) Проведя триаду, напр., в области второй категории, смысла, мы получаем: 1) субъект, 2) объект, 3) личность, а конструируя триаду при помощи категории личности, получаем: 1) личность, 2) природа, 3) общество. Можно и не выходить с таким триадическим конструированием за пределы чистого эйдоса — тогда получим: 1) сущее (чистая онтическая форма), 2) гилетический (сущностно-материальный) момент и 3) самый эйдос как осмысленно сформированная смысловая материя, или смысловая фигурность и т. д. и т. д.

d) Проведение триадического (или пентадического) конструирования в сфере перво-принципа создает *числовую* область.

III. а) Перво-принцип есть, как сказано выше, не бытие в его осмысленности и оформлении, но *самое* бытие, бытие, превышшее всякого противоположения и, следовательно, всякого оформления. Покамест не проведена диалектическая детализация перво-принципа, он остается только фактом чистого, *чистейшего* бытия, т. е. любого, всякого, какого бы то ни было бытия — оформленного,

неоформленного, инобытия, небытия, становления и пр. и пр.,— бытия в самом последнем своем основании, перво-бытия, абсолютно общего бытия.

б) Введение различности в это чистейшее и абсолютно-общее бытие без перехода в смысловую, специально эйдетическую сферу превращает перво-принцип в различенное, раздельное принципирование, в то, что не есть сама различенность (это было бы переходом уже в сферу эйдоса и, следовательно, понятия), но — принцип самого различения, или *число*. Число, помещаясь в сфере перво-принципа, есть перво-принцип всякого бытия, и прежде всего эйдоса; но, помещаясь в ней как различенное, оно оказывается не принципом вообще всякого бытия, но специально перво-принципом *различенного* бытия, перво-принципом самого различения. Ибо вещи существуют только как различные (тогда они и суть различные вещи), и число есть принцип их различия и их различности.

с) Различие и различенность есть результат положенности, утвержденности. Перво-принцип, вообще говоря, есть акт полагания. Потому он и перво-принцип смысла, что смысл, прежде чем он будет *смыслом*, должен просто как-то *быть*, т. е. быть положенным, и это *бытие*, первейший и чистейший, абсолютно чистый акт полагания смысла, и есть перво-принцип смысла. *Полагается*, действительно, все — прежде чем *значить*; и все — сначала просто *есть*, потом уже оно есть *смысл*. Перво-принцип есть чистое бытие смысла. Как смысловая (эйдетическая) сфера различна в себе *по смыслу*, так перво-принцип и, следовательно, число *неразличны в себе по смыслу*, равнодушны к собственному смысловому содержанию. Но перво-принцип не различен никак вообще, *число же в нем есть различенность по бытию*, т. е. *по актам полагания*. Это не есть еще смысловая, эйдетическая, понятийная различенность, т. е. различенность содержания, но это вполне есть различенность *по бытию*, *по актам полагания* этого содержания. Потому-то число и есть принцип самой различности, т. е. первого полагания смысла, первейшей, первоначальной его утвержденности, акт первого счета того, что дано и мыслится.

Итак, число выделяется на фоне общего перво-принципа, как на фоне абсолютной неразличности и абсолютного совпадения всех и всяких, всяческих проти-

воположностей,— выделяется в виде *первичного акта полагания смысла*, первичного акта смыслового полагания.

d) Проводя пентаду в области намеченной только что числовой сферы, мы получаем:

I. Чистый акт полагания (акт сам по себе, совпадение противоположностей в сфере актов полагания).

II. Едино-раздельный акт полагания.

III. Становящийся акт полагания.

IV. Ставший акт полагания.

V. Выразительный акт полагания.

e) Относительно чистого акта полагания, введенного нами в начале этой схемы, необходимо заметить, что это совсем не есть пустая логическая фикция, формулированная только ради отвлеченной архитектоники категорий. Дело в том, что как все смысловые построения обобщаются в акте своего полагания, так все акты полагания в силу чистой логической необходимости обобщаются в один общий акт полагания, абсолютно одинаковый решительно во всех раздельных актах, какие только возможны. Кроме того, опасность субъективизма заставляет трактовать число не как построенное только человеческим субъектом, но как выявление самого бытия, и потому в числе должен быть самостоятельный носитель и субъект всех видов числового функционирования. Этот чисто числовой субъект и должен сам от себя конструировать все детали и все судьбы своего развития и жизни. И потому в числе *логически необходима* эта категория числового перво-творчества и *самосозидания*. Чистый акт полагания нами и трактуется поэтому как самосозидающееся полагание, как самодвижный акт полагания.

И это есть не больше как описание самой обыденной, самой повседневной действительности всякого счета. Когда мы производим счет, напр. считаем рубли, то делать это мы можем потому, что существуют числа; а существует число потому, что, скажем, в пятерке я не заставляю единицу двигаться к двойке, а двойку — к тройке и т. д., но *само смысловое содержание* пятерки таково, что независимо от меня, счисляющего, единица *требует* перехода к двойке, а двойка *требует* перехода к тройке и т. д. Когда в числе есть это — не субъективная, а чисто числовая же *энергия* самосозидания, тогда могу я, применяя данное число, переходить от единицы к двойке и т. д. Если же этого перехода не происходит в самом числе

чисто смысловым, чисто числовым образом, то тогда невозможен и самый мой счет, как и счет вообще.

г) Если, таким образом, употреблять термины не в общем и повседневном смысле, но в таком чисто диалектическом и строго фиксированном понимании, как это конструировано выше, то можно дать такое определение числа, и это определение совершенно точно:

число есть выразительный акт смыслового самополагания.

Это определение легко детализировать, вводя те или иные или все вместе категории, входящие в числовую пентаду. Поскольку мы говорим о выражении (или об энергийном выражении), постольку тут уже содержатся все предыдущие категории, потому что *выражено* может быть только то, что *есть* (хотя бы лишь для мысли), только то, что *имеет смысл* (хотя бы и смысл небытия), только то, что имеет не абстрактно-мертвый, но подвижной и *становящийся смысл* (иначе выражение ничем не будет отличаться от предмета выражения), и, наконец, только то, что в своем становлении пришло к какому-нибудь осмысленному *результату*.

IV. К общему резюмирующему заключению фундаментального анализа числа необходимо сделать еще два добавления.

а) Во-первых, *данное диалектическое построение ни в каком случае не может считаться единственным*. Подобно тому как любая наука допускает очень многие — может быть, даже бесконечно разнообразные — формы построения и изложения (в том числе и такая точная наука, как математика), подобно этому и диалектика понятия числа, как и вообще диалектика, может быть построена и изложена самыми разнообразными способами. Достаточно указать на то, что сам автор этого сочинения излагал диалектику числа несколько иначе в своих других трудах. В данном месте настоящего сочинения стоит, пожалуй, указать еще один, более педантический, но имеющий также и свои преимущества способ.

Именно, можно взять основную триаду и в каждый из ее членов вставлять снова триаду же. В таком положении удобнее взять основную триаду не в виде «бытие, инобытие, определенное бытие», но в виде «бытие, инобытие, становление». Тогда первый член, бытие, с проведением внутри него новой триады превратится в перво-принцип

и на его фоне — число, точнее, перво-принцип и исходящая из его глубины триада, которую мы уже формулировали в § 16, — «число, количество, величина». Второй член, инобытие, в этих условиях будет состоять из триады «смысл (бытие), гилетическое инобытие, эйдос». Третий член, становление, будет содержать — «становление, ставшее, энергия (выражение)». Таким образом получится девятка, эннеада, а с присоединением сверху абсолютной неразличимости — декада; и в каждом из членов такой эннеады можно проводить всю эннеаду снова, а в каждом члене малой эннеады еще новую эннеаду и т. д. В дальнейшем мы не раз будем применять введение триадического принципа в области уже выведенной триадической конструкции.

б) Во-вторых, предложенная выше диалектическая пентада (которую легко превратить в эннеаду и декаду) должна явиться для нас тем, что уже реально вскрывает самую *идею* числа и конструирует все его основные конститутивные моменты. Выведение этих конститутивных моментов числа вплотную подводит нас к анализу первичных *основоположений* числа, составляющих переход уже к анализу отдельных видов и типов числа. То, что мы сделали до сих пор, есть анализ основных категорий, из которых логически строится идея числа. Это и есть в числе самое основное. Но, владея таким результатом, мы можем задаться вопросом о том, как *функционируют эти категории на фоне общей идеи числа*.

До сих пор мы дедуцировали не столько структуру числа, сколько самое число, продуцируя категории, как они появляются в общем диалектическом процессе, независимо даже от поставленной нами цели — дать диалектику данного числа. Можно сказать, что до сих пор наше исследование велось так, что мы как бы забывали, что такое число, и просто занимались общей диалектикой. И в общем диалектическом процессе мы вдруг перекинулись на категорию числа, которую и вывели наряду с прочими категориями. Теперь же нам предстоит другая задача. Уже имея диалектически сконструированную идею числа, мы должны рассмотреть *внутри этой идеи функционирование каждой из выведенных нами категорий*, понять каждую такую категорию как реальное определение идеи числа. Это приводит нас к дедукции ряда основных суждений, которые и должны демонстрировать впервые

зарождающуюся здесь науку о числе, ибо наука невозможна не только без категорий, но она невозможна и без суждений. *Суждения* (а также и необходимо вытекающие из них умозаключения) есть не что иное, как реальное приложение и функционирование самих же категорий. А основные, конститутивные категории числа должны привести к дедукции также и основных, конститутивных суждений о числе. И если бы мы это сделали, мы тем самым наметили бы и дали бы в некотором предварительном, но тем не менее систематическом очерке *науку о числе* в ее самом основном и самом первоначальном виде. И это сразу же математически конкретизировало бы все наши предыдущие дедукции, весьма отягощенные принципами общей диалектики и ориентированные только на голую идею числа, а не на логически-математическую структуру.

Это и значит, что мы должны перейти сейчас к математической *аксиоматике*, к диалектической дедукции основных аксиом числа вообще.

III. ОСНОВНЫЕ АКСИОМЫ ЧИСЛА (ЧИСЛО КАК СУЖДЕНИЕ)

А) ОБЩАЯ ТЕОРИЯ

§ 32. Обычные предрассудки.

Приступая к анализу основных аксиом числа, нельзя не упомянуть о главнейших предрассудках, до последнего времени господствующих в этой области. Их очень много, и мало-мальски обстоятельная критика их заняла бы слишком много места. Но наше сочинение не преследует ни исторических, ни полемических целей, и потому соответствующие указания могут быть только самыми краткими. Главным образом бросаются в глаза два обстоятельства, характерные почти для всех систем математической аксиоматики.

Во-первых, аксиоматика чаще всего преследует цели не чисто математические и даже не чисто логические. С аксиоматикой часто связывают, напр., гносеологические, если не прямо метафизические, цели и точки зрения. Одни стараются доказать, что наши аксиомы чисто опытного происхождения; другие уверяют, что их наличие,